

6. Фуко М. Надзирать и наказывать : рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999. 478 с.

«The Sexual Revolution» of M. Foucault and the Practice of «The Effective Body»

E. S. Pankova

Kazan Federal University
35, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

This paper is devoted to analysis of problem of sexuality and body in the philosophy of M. Foucault. It is emphasize, that the articulation of sexuality is linked with the articulation of human subjectivity. Influence on the subject is conducted through repressive body practices, such as family, school, Church. Sexuality as a social phenomenon is some internal force of the subject, which is constructed from the outside and is connected with the necessity to monitor the life of a person: to prevent the child mortality, to extend the life of the individual, to control his health in order to get his effective body maximum. This process can be represented as a kind of capitalist boom and can be called «the sexual revolution».

Key words: dispositif, subjectivity, sexuality, the effective body.

УДК: 141.201

МИР-СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Рожков Владимир Петрович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

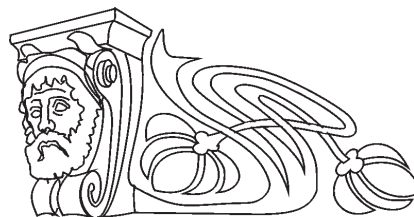
В статье анализируются проблемы теоретического проекта мир-системы, выдвинутого представителями западной социологии в 1970-е гг., и противоречия его реализации в условиях глобализации. Автор доказывает закономерность возникновения этого проекта, апеллируя к «эффекту системности» сознания с рациональной доминантой экстравертивного мышления в парадигме классической философии. В то же время автор обращает внимание на особенности формирования планетарной мир-системы в контексте западного либерализма и неолиберализма. Ключевая из них связана с риском движения к однополярному миру и применения различных вариантов насилия, интенсивность которого явно нарастает в настоящее время. Объясняя причины проявления этого риска, автор анализирует мировоззренческие основания «двух сторон медали» западного либерализма, истоком которого, по его мнению, является возрожденческий «титанизм», выражающий, с одной стороны, стихийный индивидуализм Ренессанса и его самокритику – с другой.

Ключевые слова: мир, система, сознание, экстравертивность, субъект, объект, интровертивность, либерализм, рационализм, антропоцентризм, индивидуализм, радикализм, критицизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-46-51

References

1. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966. 405 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Moscow, 1977. 488 p.).
2. Plato. *The Symposium. Greek text*. Comm. by K. Dover. Cambridge, 1980. 185 p. (Russ. ed.: Платон. *Диалог*. Moscow, 2006. pp. 272–320).
3. Foucault M. *Histoire de la sexualite: 3 t. Vol. 1: La volonte de savoir*. Paris, Gallimard, 1976. 224 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Moscow, 1996. 448 p.).
4. Foucault M. *Histoire de la folie a l'âge classique*. Paris, 1972. 583 p. (Russ. ed.: Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. St.-Petersburg, 1997. 576 p.).
5. Фуко М. Пылающий разум (The flaming mind). Yung K.G., Фуко М. *Матрица безумия (философский поединок) (The matrix of insanity {the philosophical duel})*. Moscow, 2013, pp. 163–302).
6. Foucault M. *Surveiller et punir, naissance de la prison*. Paris, 1975. 328 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. Под ред. И. Борисовой. Moscow, 1999. 478 p.).

Сознание человека, живущего в эпоху глобальных перемен, запечатлело крушение мощных социальных систем, локальные войны, всплески терроризма. В нём отразились разочарование в социальных теориях и универсальных либеральных ценностях, переживание религиозного ренессанса и целенаправленного разрушения ресурса социально-гуманитарных наук.

В поисках ответа на эти вызовы исследователи общественных изменений, происходящих на современном этапе истории, естественно обращаются к методологическому потенциалу философского теоретического мировоззрения и рационального познания. Так уже в 1970-е гг. А. Г. Франком, И. М. Валлерстайном, Дж. Арриги и некоторыми другими западными социологами был выдвинут мир-системный подход, расширявший, как они полагали, инструментарий цивилизационного метода. И хотя предшественником этого подхода называется Ф. Бродель, автором

наиболее развёрнутой концепции мир-системы по праву считается И. Валлерстайн, стремившийся, как отмечается, синтезировать идеи общей теории систем, синергетики и несколько современных положений экономической части марксистской теории.

Показательно, что под мир-системой американский социолог подразумевает «систему», являющуюся миром или длительно существующую интегрированную системную целостность. Таким образом, просматриваются основания системного подхода. Исследовавший проблему классической и неклассической рациональности М. К. Мамардашвили определял отмеченную особенность рационально ориентированного сознания как «эффект системы» [1, с. 82]. Объясняя отмеченный «эффект» рационально ориентированного сознания в парадигме классической философии, можно предложить следующую концепцию.

Самореферентное когитальное сознание, зафиксировавшее на перцептивном уровне (в перцепции «Я» ↔ «Мир»), по образному выражению С. Л. Франка, «дурной эмпирический мир» как «надтреснутое единство», обозначает обнаруженную «разорванность» мира в соответствующих универсальных рецепциях: «Я» – «Мир», «Субъект» – «Объект», «Я» – «Другой», «Я» – «не Я».

Понятийное выражение выделенных рецепций на уровне абстрактно-логического познания, универсализированное Г. Гегелем, может быть выведено во вполне определенный ряд следующих категорий: различие – разделение – раздвоение – противоположение – отрицание – противоречие. Последние (противоположение, отрицание, противоречие) аргументируются частицей «не». В ней же, очевидно, выражается нигилизм «Я» по отношению к «Миру», к «не Я». Таким образом, развитие декартовского мотива самореферентности мыслящего «Я» выявляло когнитивную способность сознания к диалектическому мышлению. Не случайно уже в истоках рациональной традиции парадигмы классической философии проявляется «стихийная диалектика» философов Древней Греции, а концептуальным её завершением становится диалектика Г. Гегеля.

Одновременно рассматриваемые рационально конструируемые знаковые и категориальные построения не могут не представлять абстрактное выражение ощущения единства, обусловленного процессом контактного взаимодействия познающего субъекта и познаваемого объекта. И когитальное сознание абстрагирует такое относительное единство на уровне системного

единства. Эти особенности когитального сознания аккумулирует Г. Гегель, выводя законы диалектики и выражая интенцию относительности единства в конституировании тождества *того же и другого*. По сути, К. Маркс трансформировал гегелевскую диалектику в ключе диалектического материализма. Вместе с тем он целенаправленно использовал системный подход, представляя общество в качестве формации или системы, которая состоит из двух подсистем (компонентов): экономического базиса и идеологической надстройки.

Не удивительно, что взаимодействие выделенных подсистем в марксистской теории носит диалектический характер, предполагая объективное причинно-следственное влияние экономического базиса на надстройку и обратное, функциональное воздействие идеологической надстройки на экономический базис.

Приведенные параметральные характеристики такого рода концептуального построения естественно проявляются в экстравертированной направленности мыслительного процесса, протекающего в когнитивной матрице субъект–объект. Философское рациональное сознание, функционирующее в такой матрице, имеет определенные особенности. Прежде всего, оно воспринимает социальную систему (общество в любом измерении, в том числе и в формате мир-системы), как внешний объект, который можно теоретически препарировать. Теоретически это означает разделение данного объекта на части (подсистемы, элементы, социальные группы, классы, страты и т.п.) с применением метода анализа, сопоставления разделенных частей с использованием метода сравнения и, наконец, конструирования из них нечто нового на основе методов синтеза, реконструкции и моделирования. Практически это проявляется в виде реформ, революций и войн. Причем и теоретическая, и практическая препарация общества осуществляются по воле индивидуального и социального субъектов. В первом случае им может оказаться мыслитель – теоретик или группа таковых, во втором – социальная группа и опирающиеся на нее политические движения, партии, государственные институты. В варианте социально-политической препарации общества (по аналогии препарирования лягушек в опытах по биологии) неизбежно проявляется насилие (психологическое, идеологическое, физическое, политическое, экономическое и т.д.) в различных вариациях.

Нельзя не обратить внимания и еще на одну особенность рационального сознания, онтологически обращенного к бытию и ориентированного

на субъектно-объектную матрицу познания. Являясь по векторной направленности экстравертивным, оно преимущественно будет выискивать внешние факторы протекающих процессов, формирующихся тенденций-противоречий, возникающих состояний, протекающих событий и в целом всего, что составляет содержание природной и социальной динамики. А это означает, что для индивидуального и социального субъектов с таким сознанием вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?» будут всегда взаимосвязаны. Они мировоззренчески предрасположены к поиску внешнего конкурента, оппонента, врага. В складывающейся для него неблагоприятной ситуации им будут обвиняться прежде всего внешние обстоятельства, силы, противники.

Думается, что действия «игроков» в экономическом, политическом, идеологическом, информационном ареалах современного геополитического пространства позволяют сделать вывод о преобладании среди них субъектов с рассмотренными характеристиками сознания. Но в таком случае возникает естественный вопрос: на утверждение какого варианта регуляции глобальной мир-системы направлены эти действия? Как представляется, отвечая на него, целесообразно исходить из анализа ключевых тенденций, проявляющихся на основных структурных уровнях формирующейся мир-системы, на которых просматривается конкретное содержание интересов «игроков», характеризующихся как геополитические. Если учесть, что основой складывающейся мир-системы является капиталистическая рыночная экономика, то правомерно обратиться к выявлению тенденций-противоречий и содержания интересов «игроков» прежде всего на этом уровне геополитики.

В этом случае следует отметить, что универсализация такой характеристики глобализма в экономике как «откат от производительного принципа к спекулятивно-перераспределительному, ростовщическому», по-видимому, требует уточнения [2]. Действительно, реализация концепции «общества потребления» в условиях глобализации может естественно способствовать проявлению этой тенденции. Однако, как представляется, такая тенденция носит преимущественно внутривидовый характер в параметрах динамики мировой капиталистической экономической системы. Подобный «откат» может происходить в группе стран, регионе, когда производство переводится в другие страны, регионы в силу ряда мотивировок, типичных для капиталистического хозяйства: более дешёвые рабочая сила, сырьевые ресурсы, энергетические источники и т.п. Усиление таких

процессов в связи с нарастанием интеграции в экономике мир-системы вполне возможно.

Но все это в целом не отрицает закономерности, выражающейся в подтвержденном исторической практикой положении: расширение сферы потребления объективно требует расширения производства. Отсюда базовой тенденцией мировой экономики в глобальном формате мир-системы может быть выделено именно количественное и качественное расширение производства. Отраженное еще в XIX в. в марксистской формуле расширенного воспроизводства $T-D-T' \dots D' \dots$, оно интенсифицировалось с каждым десятилетием. По образному выражению Ф. Энгельса, расширение газов представляло «детскую забаву», по сравнению с масштабами расширения капиталистического производства [3, с. 35]. На основе этой мощной тенденции в XX столетии теоретиками марксизма выявляется интернационализация производства, а на рубеже XX–XXI столетий исследователи в области социально-политических наук анализируют процессы, объединяя их понятием глобализации.

Терминологически обозначив такие виды расширения производства, как выход за рамки национальной экономики (транснациональные корпорации), образование региональных экономических объединений, можно предположить в исторической перспективе утверждение планетарно-регулируемой экономической системы, а в дальнейшем выдвижение её за пределы планетарно-земного экономического пространства.

Эта перспектива вполне реальна, если учитывать, что многократное усиление тенденции расширения производства подводит человечество к проблеме ограниченности планетарных сырьевых и энергетических ресурсов. Обострение противоречия между расширением производства и ограниченностью энергетических ресурсов планеты явно ощущается в настоящее время. Производное от него противоречие между стратегиями интенсификации интеграции мирового производства и отстаивания приоритетности национальных интересов катализирует борьбу транснациональных корпораций, олигархических кланов компрадорской ориентации и национально ориентированного бизнеса за реализацию интересов относительно собственности, обмена и управления. В качестве ключевого конкретного интереса в последние десятилетия открыто декларируется доминирование в пользовании энергетическими и сырьевыми ресурсами планеты.

На политическом уровне в масштабе складывающейся мир-системы выделенные экономические противоречия трансформируются в

противоречие между тенденциями движения к однополярному и многополярному вариантам планетарного управления. Это противоречие катализирует борьбу между государствами, военно-политическими блоками и союзами, которая ведется средствами дипломатии, разведки, локальных и региональных войн, государственных переворотов, индивидуального и массового террора. И, естественно, политические силы, действиями которых реализуются выявленные тенденции-противоречия, аргументируют свои устремления апелляцией к определенной философско-политической доктрине. В современной отечественной политологии ряд известных исследователей связывает движение к однополярной модели глобальной мир-системы, прежде всего, с политикой США и стран Евросоюза, опирающихся на военно-политический блок НАТО, и с используемой этим «полюсом» или «центром силы» политической философией либерализма или неолиберализма. Подобный подход развивается, например, в трудах признанного авторитета российской политологии А. С. Панарина, представителей и сторонников его научной школы [4–7]. Думается, что отмечающееся в этом направлении отождествление глобализма и «неолиберализма» в контексте анализа политической стратегии западного центра силы, ориентированной на утверждение планетарного доминирования в качестве единственного неконтролируемого «полюса», определяющего своим «силовым полем» вектор динамики мирового сообщества, вполне обосновано.

Последнее, однако, не означает отсутствия необходимости дальнейшей теоретической разработки как проблемы «либерального варианта» движения к однополярной мир-системе, так и темы других вариантов её формирования вообще, что объясняется сложностью, многогранностью и противоречивостью процесса глобализации. В приведенном политологическом варианте либерального фактора однополярной тенденции, во-первых, требуется выяснение причин «отката» в политике Запада от «плюралистической системы международного равновесия» [2]. Во-вторых, нуждается в дополнении и «либеральный» вариант как таковой, так как в исторической практике обнаруживаются и другие субъекты политических устремлений к доминированию в однополярном мире, опирающемся на иные, нежели либерализм, философские и в целом мировоззренческие основания.

Что касается причин «отката» адептов неолиберальной политики от плюралистической модели мир-системы, то, думается, в первую очередь, необходимо обратиться истоковым

внутренним характеристикам либерализма как философии, политической теории и практики. Следует отметить, что в предыдущих исследованиях автором настоящей статьи развернуто обосновывалась концепция «двух сторон медали» западного либерализма [8]. Проявление этих сторон детерминируется философско-мировоззренческим основанием, составляющими которого являются антропоцентризм и рационализм, а их истоковым субъектом-носителем – возрожденческая личность – титан. В ней, как объёмно показывал знаменитый русский философ А. Ф. Лосев, выражается стихийно-индивидуалистическая сущность Ренессанса в противоречиях стихии «самоутверждения человека» [5, с. 64]. «Прямая» и «обратная» стороны титанизма, согласно его убедительному обоснованию, проявлялись в широком диапазоне от либерального индивидуализма Эразма Роттердамского и других гуманистов Северного Возрождения, выдвигавших идеи прав «свободного индивидуума», до эгоцентрической абсолютизации Никколо Макиавелли в «Государе» индивидуального «Я» в «личности-тиране», использующем «нечеловеческие средства» насилия в целях собственного самоутверждения [9].

Подобные истоки не могли не программировать «две стороны медали» современного либерализма и «неолиберализма». Провозглашение и многократное декларирование в документах ООН, других международных организаций и форумов таких либерально-демократических ценностей, как государственный суверенитет, права человека и право наций на самоопределение с одновременным насильственным попранием международного права путем применения вооруженных сил в военных операциях США и НАТО в Сербии, Ираке, Ливии, Афганистане и военной поддержки западно ориентированных оппозиций, радикальных сил, религиозно-экстремистских организаций на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, инициировавших националистов в Восточной Европе и на Украине, возможно для субъекта политики с экстравертивным мышлением и приоритетно индивидуалистическим, прагматическим сознанием с установкой на относительность нравственности ценностей. Политическое сознание таких субъектов допускает аналогичное раздвоение либеральной теории и практики, если оно реализует стремление к доминированию «глобального класса» или «глобальной элиты» в однополярной мир-системе [10].

Возможна ли переориентация либерального политического сознания на плюралистическую

модель мир-системы или на многополярный мир? Если вновь обратиться к внутреннему когнитивному ресурсу в парадигме классической и неклассической рациональности, то эта возможность обнаруживается в интровертивной переориентации мыслительного процесса, связанной с самопознанием самореферентного разума. В этом контексте варианты структурирования (выделения понятий рассудка, разума, интуиции), осмысление форм проявления разума (чистый разум, практический разум и т.п.), по сути, представляют самопознание философского разума.

Логично предположить, что производной от возможности *ratio* к интровертивному перевороту в самопознании может стать способность самопознающего «Я» к самокритичности. Именно такая особенность просматривается в возрожденческих истоках либерализма. Это настойчиво подчеркивается А. Ф. Лосевым, который доказывал, что под Ренессансом необходимо понимать не только эстетику стихийного индивидуализма, т.е. титанизма, но и всю критику такого индивидуализма, которая была результатом его же собственного развития [9, с. 62]. По мнению русского философа, именно «коренная самокритика, самоотрицание и даже самоотречение входят в глубочайшую сущность всей возрожденческой эстетики» [9, с. 62].

Приведенная истоковая посылка означает, что среди субъектов-носителей либерального политического сознания были, есть и будут личности, способные понять несостоятельность и ограниченность претензий «замкнутого международного клуба», «глобального класса», использующего всевозможные формы и способы насилия для утверждения однополярной мир-системы, управляемой псевдолиберальной глобальной элитой.

Критикуя эту «обратную сторону» неолиберализма, они отстаивают его классические демократические ценности и, следовательно, принцип плюрализма в образующейся мир-системе. Жертвы политического террора среди представителей общественности, политических деятелей и журналистов как в прошлом, так и в настоящем свидетельствуют, что такие, способные к самоотречению, личности есть. Может быть, именно они представляют истинно либерально-демократическую элиту или международный клуб, открытый для всего человечества.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности. М., 1991. 90 с.
2. Харин А. Н., Панарин А. С. Традиция versus Глоба-

лизм // Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения. Пушкино, 2014. С. 244–253.

3. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 83–145.
4. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. 493 с.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003, 496 с.
6. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. 560 с.
7. Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения. Пушкино, 2014. 316 с.
8. Рожков В. П. Духовно-нравственные параметры современного межкультурного диалога России и Китая // Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации. Саратов, 2014. С. 6–46.
9. Лосев А. Ф. Эстетики Возрождения. М., 1978. 623 с.
10. Орлов М. О. Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009. 256 с.

The World-System in the Context of Liberalism

V. P. Rozhkov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

In article problems of the theoretical project the world system which is put forward by representatives of the western sociology in the 70th years of the twentieth century and contradiction of its realization in the conditions of globalization are analyzed. The author proves regularity of emergence of this project, appealing to «effect of systemacity» of consciousness with a rational dominant of *ekstraversivny* thinking in a paradigm of classical philosophy. At the same time the author pays attention to features of formation planetary the world system in the context of the western liberalism and neoliberalism. Key from them it is connected with risk of the movement to the unipolar world and applications of various options of violence which intensity obviously increases now. Explaining the reasons of manifestation of these risks, the author analyzes world outlook the main of «two parties of a medal» of the western liberalism which source, in his opinion the *voztrozhdenchesky* «titanizm» expressing on the one hand spontaneous individualism of the Renaissance and its self-criticism with another is.

Key words: world, system, consciousness, *ekstraversivnost*, subject, object, *introvertivnost*, liberalism, rationalism, anthropocentrism, individualism, radicalism, criticism.

References

1. Mamardashvili M. K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy ideal ratsionalnosti* (Classic and nonclassical ideal of rationality). Moscow, 1991. 90 p.
2. Kharin A. N., Panarin A. S. Traditsiya versus Globalizm (Tradition versus Globalism). *Tsivilizacionnaya missiya Rossii. XI Panarinskie chteniya* (Civilization mission

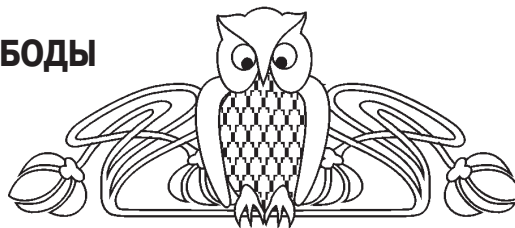
- of Russia. XI Panarinsky readings). Pushkino, 2014, pp. 244–253.
- Engels F. *Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft*. Hottingen; Zürich, 1882. 189 p. (Russ. ed.: Engels F. *Razvitie sotsializma ot utopii k nauke*. Marx K., Engels F. *Izbr. proizv.* : v 2 t. Moscow, 1955. T. 2, pp. 83–145.).
- Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* (Temptation globalism). Moscow, 2003. 493 p.
- Panarin A. S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v globalnom mire* (Orthodox civilization in the global world). Moscow, 2003. 496 p.
- Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabilnost v XXI veke* (Strategic instability in the XXI century). Moscow, 2003. 560 p.
- Tsivilizatsionnaya missiya Rossii. XI Panarinskie chteniya (Civilization mission of Russia. XI Panarinsky readings). Pushkino, 2014. 316 p.
- Rozhkov V. P. *Dukhovno-nravstvennye parametry sovremennogo mezhkulturnogo dialoga Rossii i Kitaya* (Spiritual and moral parameters of modern cross-cultural dialogue of Russia and China). *Duhovno-nravstvennye osnovy mezhkulturnogo dialoga Rossii i Kitaya v usloviyakh globalizatsii* (Spiritual and moral bases of cross-cultural dialogue of Russia and China in the conditions of globalization). Saratov, 2014, pp. 6–46.
- Losev A. F. *Estetiki Vozrozhdeniya* (Renaissance esthetics). Moscow, 1978. 623 p.
- Orlov M. *Sotsialnaya dinamika globalnogo mira* (Social dynamics of the global world). Saratov, 2009. 256 p.

УДК 111

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТИНЫ И СВОБОДЫ

Стеклова Ирина Владимировна –

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: filoss@sstu.ru

В статье представлено соотношение истины и интеллектуальной свободы. В центре анализа находятся специфика свободы в контексте эволюции рациональных структур познания, взаимосвязь нормативной коммуникации и свободы, роль разума в развитии форм свободы познания. Познание рассматривается в контексте решения проблем человеческого бытия в мире, при этом раскрывается значение категорий свободы и истины для понимания природы субъекта знания; в частности, исследуются проблема объективности научного знания и вопросы формирования идеалов и норм в научном познании и их трансформации в тип научной рациональности. Одновременно выявляется роль культуры в процессе формирования знаний с учетом оснований истины и свободы.

Ключевые слова: бытие, истина, культура, онтология, познание, разум, рациональность, свобода, философия, человек.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-51-55

Мир культуры, составляя непосредственное окружение человека, не тождествен всей объективной реальности, но предметы и явления этой реальности обретают для человека то или иное значение только как функционирующие в системе культуры. Индивидуальные стремления человека всегда корректируются культурным сообществом, возводятся к всеобщим, общепринятым нормам. Поэтому только в отношении к некоторой социокультурной общности можно определить меру взаимосвязи истины и свободы как теоретически всеобщего и индивидуально-практического компонентов, в совокупности

определяющих реальное поведение человека. Теоретически всеобщее (истина) находит свое практическое воплощение только в индивидуально-практическом (свобода), осуществляемом всегда в границах определенной социокультурной общности.

Онтологический аспект свободы разнообразно представлен в философской литературе. С. В. Никитин утверждает, что свобода является сущностной характеристикой природы человека, и с изменением социокультурной ситуации возникало новое видение свободы, а термин «свобода» обрел с течением времени статус культурного символа [1, с. 9]. Можно сделать вывод, что философские воззрения по поводу свободы связаны с такими понятиями, как необходимость, случайность, благо, выбор, ответственность, творение, анализируемыми в рамках проблемы сознания, которая предполагает и включает познавательный процесс, что позволяет выйти еще на одно решение проблемы свободы: речь в данном случае может идти не только о разуме, мышлении, самосознании, действии, рефлексии, но и об истине.

Понимание свободы находится в зависимости от источника свободного действия, который можно видеть или в самом человеке, или в определенных структурах его существования, в частности познавательных. Традиционный для европейской философии взгляд на человека как